

Лесные края эти словно гигантским лосем истоптаны: озера – что следы от копыт, полны темной водой. Зимой промерзают до донышка, а летом, зацепись взглядом, тянут в глубину.

Иван снимал комнату во флигеле семейной пары: она держит дамское ателье, он инженер на большом предприятии – оба городские, но летом переезжают сюда, «в усадьбу». Шатался по округе, путаясь ногами в травах, мыслями – в облаках. Разъедающая тоска, не дававшая житья в городе, здесь наконец перешла в легкую печаль. Но во сне возвращалась снова – не сморгнуть, не отвести.

Сны под утро были плотны, основательны, реальны – не акварели, а картины маслом, большие голландцы. Черета каких-то перекрестков, каналов, редкие прохожие, ему не знакомые. Соня появлялась иногда, но будто и не узнавала, удивленно отвечая взглядом на взгляд. Стоило ему заговорить, как она поспешно скрывалась в щель невесть откуда взявшегося переулка, словно захлопывая слой пространства, ему доступно,

переворачивая страницу, ею прочитанную. Он долго стоял, вглядываясь в сумерки пустого перекрестка, вдыхая сложный аромат дряхлеющей древесины домов, сточных вод, рыбы и земли. Она не оставляла ему даже тени своих духов. Лукавая, как всегда. Из тех, что увлажняют сны женатого человека, – кажется, так говорил поэт, знающий толк в переулках, туманах, испарениях древнего города и женском непостоянстве.

Соня напоминала ему игрока непрерывной партии в покер – с демонятами внутри, но внешне бесстрастная, с полуопущенными веками, словно вырезанными в камне. «Дама из Эльче, IV век до н.э.» – прочел он как-то в энциклопедии и поразился схожести через время. Тот же чуть расфокусированный, скользкий поверх реальности взгляд, та же странная гримаса рта. Казалось, она держит во рту жемчужину – губы напряжены и чуть вытянуты вперед. Рыба, проглотившая тайну или волшебный ключ к чему-то... к чему?

Она ушла внезапно, ничего не объясняя. Да, молчаливые ссоры

последнее время случались часто: глаза ее в такие минуты темнели, и только резкость движений выдавала накал настроения. Но оставить его вот так...

На звонки и сообщения она не отвечала: говорили, уволилась, уехала, вряд ли вернется. Но в городе Соня все время будто бы шла поперек Ивану: проплывала в утренних сумерках зеркала, чуть шевеля кистями рук; на желтом светофоре пробегала перед носом машины, на миг остановив амплитуду «дворников»; многочисленно расчленялась витражами офисных мониторов. Но ему ни разу не удалось схватить ее за руку.

Прошло почти полгода, а он все не мог выбросить ту, прежнюю жизнь с Соней из головы, забытую ею сорочку – из шкафа, прервать мучительный мысленный разговор с ней, молчаливой. Иван то искал встречи, медленно проезжая по улицам и вглядываясь в женские силуэты – не та, не та, не та! – то вдруг до холодной испарины боялся вновь увидеть. Скинуть бы эту тоску, как шапку – долой... но вдруг еще не все кончено и есть надежда?

С трудом дотянув до лета, он сбежал из города. Здесь Соня наконец оставила его, не мелькая среди деревьев, не проглядывая сквозь рябь озер. Но ночами нет-нет да возвращалась. Из вязи приснившихся переулков, ее скрывавших, можно было составить карту... да что там, атлас вводящих ее дорог.

Из этих тяжелых предутренних снов Ивана выхватывал мягкий хлопок. Долго он не мог понять, что за звук его будит. Это случилось в тот ранний час, когда утро уже брезжит, но будто не узнает самого себя: что оно – все еще ночь

или начало нового дня? Мягкий и какой-то изначальный звук, будто услышанный и хранимый в памяти с раннего детства.

Только спустя несколько дней пребывания в Вырожнях он вдруг узнал этот хлопок. Хозяйка его – веселая, ловкая, чуть полноватая, сама вся неуловимо похожая на ту простую сдобу, что доставала из печи по вечерам – развешивала белье во дворе. Он курил на крыльце, бездумно бродя пальцами в густом загривке Урòка – дворового пса, чихавшего от запаха табака, но головы из-под руки не убиравшего. Хлоп! – вот оно что, ну конечно! Звук был не утренний, пыльный и мягкий, а словно заостренный и сырой, но это совершенно определенно был он – звук встряхиваемого белья.

Вскоре Иван научился просыпаться до этого хлопка и однажды спустился на кухню за минуту до. Взмах белой скатерти был ему приветом – знакомый тканевый хлопок. Каждое утро хозяйка стелила на стол свежую, непременно белую скатерть – странная причуда в этом простом деревенском доме. Слабо накрахмаленный лён чуть топорщился на сгибах, и она оглаживала стол, как большое животное, распрямляя заломы. Значит, все это время Иванов день начинался с белой скатерти, да и был как скатерть – незапятнанный, благоухающий свежестью. Не удивительно, что тоска в дневное время отступала, и ему так легко здесь писать, дышать, просто жить. И как без всего этого он будет в городе, после возвращения?

В то утро, еще не проснувшись, Иван понял – дождь. Мелко шуршало снаружи, крупные же капли разбивались о подоконник с глухим, укутанным в себя звуком.

Спустился вниз, хозяйка накрыла к завтраку: овсянка с расплавленным желтком масла, хлеб, малина в облачке густой сметаны.

— Олег уехал в город. Какое-то у него совещание внезапно, — усмехнулась, будто подтрунивая над мужем, над его рабочей суетой. — Кофе?

Не дожидаясь ответа, мягко поднялась и поставила турку на огонь.

Иван знал, что кофе в такой день не поможет. Морось туманит мозг, это всегда что-то вроде наваждения — дождь. В такую погоду хорошо только читать — долго, останавливаясь и заново пробегая глазами тронувшие строки. Но сегодня и к книгам не тянуло. Дремота никак не оставляла тела, сковывала мысли. Кажется, забудь все про него — просидит так день напролет, задумчиво гоняя по столу хлебные крошки. Обломов, созерцатель — вообще-то нет, но дождь всех перелицовывает на свой лад. Сопротивляться этому мороку не хотелось.

Хозяйка звякнула чашками:

— Пойдем на веранду? Там так дышится...

Кофе чертовски горяч. У нее все блюда чертовски горячи, словно на меньшее она не согласна, словно убери жар — и вкус уйдет. Но он уже привык и сейчас пил кофе мелкими глотками. Она ли стала старый отрывной календарь, почему-то не попавший в печку — бог весть за какой год. Иван вдохнул глубоко, до ломоты в легких, и даже зажмурился. «Свежесть дождя, трав в человеческий рост... близость озер и деревьев... кофейное зерно... Запах счастья?» — подумалось вдруг.

— Сегодня, оказывается, Солнцеворот, — сказала хозяйка, рассматривая пожелтевшую страничку.

— Оно и видно, солнце нос воротит — вон как небо затянуто, — пошутил Иван.

— На двор не выйти... — согласилась хозяйка, задумчиво глядя, как дождь размывает травяные дорожки. — Сыграем?

Привычка к картам в этом доме сложилась давно и часто скрашивала вечера. Иногда приходили шумные интеллигентные соседи, без детей, но с собаками, накрывался стол — какой-то особенный, ночной, со многими мелкими закусками и домашними настойками. Между партиями выходя во двор, Иван курил под березой и всматривался в этот островок света среди полнотной тьмы. Словно ковчег, где каждой твари по паре, только он среди них один. И все в эти часы счастливы, защищены, будто никакое горе не может коснуться их, пока они в этом золотом пятне играют в карты.

Но сейчас утро и дождь.

— Почему нет? Только я без мелочи.

Игра шла обычно на символические ставки — несколько монеток от каждого. Но когда карточные ночи были особенно длинны, даже на этой мелочи можно было уйти с приятно потяжелевшими карманами.

— Давай на что-нибудь другое. Не интересно без куша-то, — улыбнулась она. — Только не на желанье, не люблю этого.

— Может, в долг?

— Нет, что ты! Надо, чтоб сразу.

Да, ее кофе всегда должен быть горяч, как же иначе.

— А давай — вот, — она скрипнула дверцей старого буфета, в резном тереме которого хранились «фирменные» настойки. Достала чудную бутылку с фигурной пробкой. — Ликер, на малине и мяте. Проигравший выпивает стопку.

– Вот так «доброе утро»! Хотя под дождь будет хорошо, – согласился он.

Раздали. Карты казались чуть влажными, звук их, обычно резкий, бьющий наотмашь, вливался в шелест капель. Хозяйка сняла карту, на стол легли потертые пики.

– Козыри ночные.

Партия закончилась молниеносно.

– Извольте принять, Иван Сергеевич, – улыбнулась хозяйка.

– Что, так сразу?

– А как ты хотел? Сохранить проигранное до вечера, а потом выпить три стакана залпом?

– Почему три стакана? Что уж я – такой бездарный картежник, потвоему?

– Не бездарный, совсем не бездарный. Но и не картежник, – улыбнулась хитро, с веселым чпоком открыла плотно притертую пробку.

Стопка была чуть больше садового колокольчика – совсем простого стекла, из числа туристических сувениров. На боку мелкий рисунок: карта Крита и чуть растерянная морда Быка-Зевса, словно не понимающего, зачем он украл Европу.

Иван выпил и даже слегка задохнулся. Крепко!

– Сорок градусов – извини, не предупредила. Но чаёк на спор хлебать – не спортивно, азарта нет.

– А тебе непременно азарт подавай?

– Лето длинное, места глухие. Иногда хочется чего-то эдакого.

Травяная ягодная сладость растеклась по нёбу, согрела гортань. Вкусно. И забирает – сразу суставы потянуло. Умеет хозяйка творить ликеры.

– Так, хочу отыграться!

– Погоди, я хоть закуску поставлю. Или еще кофе?

– Нет уж, не юли, этого в условиях не было!

Он выпил вторую и в скором времени третью. Затем с удовольствием следил, как два глотка медленными волнами прокатились по ее мягкой шее. Она открыла зажмуренные от удовольствия глаза и по-детски причмокнула:

– Вкусно! Поддаться тебе, что ли?

– Ну нет, нечестно! Тасуй!

Партия перешла в ливень. Он вдруг представил эту веранду со стороны – не ночью, как он видел ее обычно, а вот прямо сейчас, под плотным занавесом дождя. В темноте она ладьей плыла по тихой заводи ночи, и золотое ее свечение было видно издали. А сейчас она укутана в серый кокон воды, спрятана, никто не увидит за дождевым покровом, рядом пройдет – не заметит...

– Пей, чего замер? – смеялась хозяйка. В круглом ушке качалась сережка-ягода.

Они сыграли партий десять или двенадцать. Но она выпила трижды, это он помнил точно. Карта ему не шла, тело стало приятно легким, не своим.

– Ну ты картежница... Одиннадцати нет, а я, мягко говоря, не трезв. – Он встал и подошел к перилам. Лес тихонько качнулся навстречу.

– А ты умойся, вот прямо здесь, – хозяйка протянула руки и наполнила ковшик ладоней дождем. – Ну, давай, наклонись, как в детстве!

Иван наклонился, и она умыла его. Вода была теплой, женские ладони – прохладными.

– Заметил, дождь будто бы забирает нас, отгораживает от всех? Завтра выпустит, а пока никто о нас и не вспомнит. Это редкий день – заповедный. Тетка моя говорила: в Солнцеворот можно менять судьбу.

«Что судьба? Тоску бы сбросить», – подумал он, но спросил:

– И что для этого надо? В бубны бить, хороводы водить?

– Можно, наверное, и в бубны. Но тетка рассказывала, что в этот день нужно делать то, что человеку несвойственно. Ну, будто бы притвориться кем-то другим... Якобы так разрывается круг судьбы. Только вот хорошо это или нет – не сказала.

Мягкое ее плечо рядом вдруг показалось горячим. Редкие капли с протекающей крыши падали в греческую стопку. Зевс ли украл Европу?

Она потянулась к нему, и ягодным, травным пахнуло прямо в губы...

Дождь утих. Иван почувствовал это еще во сне. И понял, что день полон солнца, птиц и ветра – лета до краев. Сколько он проспал? Даже привычного хлопка скатерти не слышал.

Сел, тяжело потеряв лицо. На часах все еще было одиннадцать – какого дня? Из кухни доносился басовитый хохоток Олега. Когда он вернулся? И хозяйка... была ли?

– Иван, ну ты спать! Сутки почти, ты чего? – улыбнулся Олег навстречу. – Дождь, что ли, усыпил?

– Не знаю... – и поднял на нее взгляд.

Она блеснула ответно глазами из запечного полумрака – смеется? ничего не разобрать.

– Олег, ты когда вернулся? Я и не слышал.

– Вообще-то и не уезжал! Только завтра в город собираюсь.

– Иван, да ты спишь еще! Просьпайся, вон, вода в умывальнике дождевая, – хозяйка протянула полотенце.

Вода была мягкая, от полотенца пахло утюгом, росной свежестью и тем заповедным днем, который, кажется, так и не был прожит...

– Ой, чуть не забыла! Иван Сергеич, там тебе письмо на столике – представляешь, бумажное! Ради такого стоит и интернет на месяц отключить.

Письмо? Сердце отчего-то пропустило удар. Не телом еще, но будто всем существом потянулся он к белеющему в полумраке сепей конверту. Вдох... шаг к столу... Очертания комнаты смазались, светлый прямоугольник с таким знакомым текучим почерком, казалось, плыл навстречу. Конверт чуть влажный и теплый, будто только из чьей-то руки. Соня...

Береза у открытого окна вдруг шумно обрушила целый водопад, скинув дождь с усталых листьев. Хозяйка, глядя на сияющую листву, сказала некстати:

– После Солнцеворота кажется – все заново. Только не понять, к худу или к добру, – и разгладила цветастую клеёнку на столе.